

ПЕШКОВСКИЙ А. А. — ВИНАВЕРУ М. Л.

ПЕШКОВСКИЙ Александр Артурович, родился в 1905 в Томске. Окончил университет в Ростове-на-Дону, детский писатель, журналист. С 1926 — проживал во Владикавказе, печатался в местных газетах, с лета — в Ленинградской вечерней газете, затем переехал во Владикавказ, работал в Наркомпросе. 27 сентября 1927 — арестован во Владикавказе, отправлен в Ростов-на-Дону, затем — в Новочеркасск и в мае — в Москву¹. Весной 1928 — приговорен к 10 годам ИТЛ и должен был отправляться в Соловецкий лагерь особого назначения.

Летом 1928 — заведующим юридического отдела Помполита была распечатана для Екатерины Павловны Пешковой подробная справка по делу Александра Артуровича Пешковского.

<Июль 1928>

«Александр Артурович ПЕШКОВСКИЙ привлечен был по делу Маркевича, Колосова и других, обвинявшихся по 58-11 и 58-4 ст<атьям> УК. Пункт четвертый статьи появился только в приговоре.

Приговорен к 10 годам заключения в лагере. Предварительное заключение — с 27 сентября 1927 года — зачтено.

Арестован был П<ешковский> в г<ороде> Владикавказе, где он жил с 1926 года. Первые месяцы содержался в Ростове в ГПУ, позже там же в тюрьме. С февраля в Новочеркасском изоляторе. 15-16 мая перевезен был в Москву. Всего по делу привлекалось 11-12 юношей. В Москву перевезены были только П<ешковский>, Маркевич, Колосов, Констаниди и Кулжинский.

Постановление Коллегии ГПУ состоялось дней 12-14 назад.

Точно установить все моменты, инкриминируемые П<ешковскому>, нет возможности, но отчасти по слухам, отчасти по разговорам родственников других привлеченных, отчасти по тем отрывочным данным, что удавалось получать от П<ешковского> при немногочисленных свиданиях, — надо предположить, что ему вменяется участие в контрреволюционной организации, устроенной и возглавленной Маркевичем. Никаких конкретных выступлений, активных действий не было. Все было в области разговоров.

Знакомство П<ешковского> с Маркевичем началось в Ростове на университетской скамье. Прекратилось с отъездом П<ешковского> из Ростова по окончании университета.

П<ешковский> и в университете, и позже был далек от политики, увлекаясь научной и литературной работой. Писал неплохие стихи, прозу, печатался в местной прессе, с лета 1927 года — и в Ленинградской вечерке. В газетах вел отделы рецензий и библиографический. Мечтал о широкой литературной работе и кафедре по литературе. В работе был руководим дядей — Московским профессором А. М. Пешковским, которым и был введен на Никитские четверги (или иные дни), где читал свои произведения.

Когда П<ешковский> окончил университет, его ростовский профессор, получивши назначение во Владикавказ, вызвал П<ешковского> туда же и после этого П<ешковский> потерял всякую связь с Ростовом, весь отдавшись работе по обслуживанию культурных нужд Осетии, Дагестана и т<ак> д<алее>.

С лета 1926 года он состоял на службе по НАРКОМПРОС'у во Владикавказе, читая лекции и руководя практическими работами и семинариями рабфаковцев и вузовцев.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 275. С. 160-164.

Одновременно он очень увлекся работами по краеведению, обслуживая как Осетинский, так и Дагестанский институты. Между прочим, по заданию последнего института собирал материалы к Толстовскому юбилею — "Л. Н. Толстой в Дагестане". Даже и арест его произошел с запозданием (остальные были арестованы в первых числах сентября, а П<ешковский> 27-го, так как П<ешковский> все лето работал по фольклору в Дагестане и только к концу сентября возвратился к месту службы.

Если даже и существовала какая-то организация, то с оставлением П<ешковским> Ростова и переездом во Владикавказ, — он естественно из нее выбыл. Из всех участников процесса действительно дружеские, близкие отношения у него были только с Юрием Кулжинским и с последним отношения сохранились до последних дней. С Маркевичем отношения были постольку, поскольку их объединял университет и юный кружок 1923-4 г<одов>, где занимались литературой, музыкой понемногу и не всерьез. Кружок этот распался, как и все подобные кружки еще задолго до окончания П<ешковским> университета.

Таким образом, даже при наличии организации — безусловен отход от нее П<ешковского>. Отказ по собственной инициативе, без какого-либо давления извне. Но можно с уверенностью сказать, что П<ешковский> ни в какой организации не состоял, так как до возбуждения дела не знал ни Колосова, ни Констаниди, ни некоторых иных юношей, привлеченных по тому же делу.

Слишком много было увлечения у П<ешковского> литературными и краеведческими работами, слишком много отдавал времени, чтобы оставалось еще время для какой-то серьезной работы в политической организации.

Сейчас Пешковскому 23 года. Родился в Томске. Отец — еврей, по происхождению томский мещанин, человек — маленький, далеко не буржуазного типа. Мать — драматическая артистка. Во время революции П<ешковский> был ребенком, и революция у него ничего не отняла.

Со стороны родителей — очень дурная наследственность. Отец окончил жизнь самоубийством, без какого-либо видимого повода, когда П<ешковскому> было несколько месяцев. Дед умер в доме для умалишенных. Ряд других родственников отличался странностями, граничащими с ненормальностями. Со стороны матери иная картина — бабка и дед умерли от туберкулеза, первая в молодые годы.

С самого раннего детства П<ешковский> страдает хореей (по мнению некоторых невропатологов — пляской св. Витта). Иногда болезнь обостряется настолько, что он совершенно не управляет своими движениями и допускает ряд совершенно произвольных движений. Много лет его пользовали харьковский профессор К. Я. Платонов, Московский В. Н. Давиденков и иные невропатологи.

Заболевание Пешковского признано и врачебной комиссией, осматривавшей его по предложению ГПУ. Материалы должны быть в деле.

При последнем личном свидании при отправке он настолько дергался и резко выявлял признаки болезни, что обращал на себя внимание присутствующих. Безусловно, долгое содержание под стражей тяжело отразилось на его здоровье.

С ребяческих лет следствием его болезни были особая рассеянность и слабоволие, что делало очень нетрудным подчинить его тем, кто желал так или иначе его проэксплуатировать.

У Пешковского есть два старших брата (единокровных). Оба — моряки, всю гражданскую войну провели в рядах Красного Флота.

Выводы... Пешковский очень молод, во время совершения приписываемого ему преступления ему не было двадцати лет.

Страдает неизлечимой болезнью, склонность к туберкулезу.

К физической работе мало годен.

Если и участвовал в какой-то организации, конкретно себя не проявившей, то сам, по собственной инициативе, отказался от такой организации, как, по-видимому, и другие участники.

Ни по происхождению, ни по своей семье, ни по своим взглядам — не мог быть контрреволюционером.

Даже кратковременное пребывание, не говоря уже о десяти годах в Соловках, может повлечь его гибель.

Необходимо ныне же, прежде поднятия вопросов о пересмотре, помиловании и проч^{<ее>}, необходимо срочно по телеграфу сообщить с ссылкой на освидетельствование администрации лагеря о болезни П^{<ешковского>} и просить зачислить его на категорию легких работ»².

В январе 1931 — в Михаилу Львовичу Винаверу обратилась за помощью его мать.

<7 января 1931>

«Гр^{<ажданину>} М. Л. Винаверу
Москва, Помощь политзак^{<люченным>}»

Уважаемый
Михаил Львович!

В апреле п^{<рошлого>} г^{<ода>} я обращалась к Вашей помощи по делу моего сына Александра Артуровича Пешковского, находящегося в заключении в Соловецком лагере (последний год в Кеми).

Тогда же я вручила Вам три мед^{<ицинских>} свидетельства, добытые с громадным трудом, т^{<ак>} к^{<ак>} их пришлось доставать одно в Москве, другое в Харькове и третье в Кисловодске, куда оказались заброшенными профессора и врачи, лечившие сына в детстве его.

В 20-х числах ноября я вновь была у Вас, но не могла даже добиться, где же эти свидетельства, и какая судьба моего ходатайства, подкрепленного Вашим авторитетом и этими свидетельствами.

В тех же числах ноября я побывала во всех отд^{<елах>} ОГПУ (инспекция, прокурор и т^{<ак>} д^{<алее>}), где искала результатов на ходатайство сына, препровожденное ЦИК'ом еще 19 июня п^{<рошлого>} г^{<ода>} вместе с заключением врачей и комиссии о необходимости смягчения участи сына.

Нигде ничего не нашла, т^{<о>} е^{<сть>} ни следов этих бумаг, несмотря на дату и номер, под коим они вышли из Кеми.

Тогда же подала ЦИК'у о помиловании или смягчении участи. — Ответ обещан в Кеми через 2 м^{<еся>}ца.

В Кеми, где я пробыла с 1 по 14 декабря, я нашла сына, действительно, в очень тяжелом состоянии, 3½ года заключения даром не прошли...

От ЦИК'а я получила справку о том, что 19/VI, действительно, ходатайство и заключение были направлены в Управление лагерей ОГПУ. Эту справку я представила (почтой) в ЦИК с просьбой затребовать копии отосланного.

Очень прошу Вас не поставить в труд, сообщить мне, где указанные выше мед^{<ицинские>} свидетельства, и, если возможно, проследить и сообщить о результатах моего ходатайства ЦИК'у.

С сов^{<ершенным>} уважением

<подпись>

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 487. С. 285-286. Машинопись.

Махач-Кала, ул<ица> Маркова, 35»³.

Летом 1931 — Александр Артурович Пешковский был освобожден из лагеря и выслан в Красноборск Северного края, затем переведен в Котлас, работал журналистом, обслуживал местную прессу. 23 ноября 1931 — приговорен к ссылке в Среднюю Азию на 3 года. В 1934 — освобожден из ссылки без ограничений проживания, поселился в Ленинграде. 16 сентября 1938 — арестован по групповому делу, 26 июня 1939 — приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в лагерь⁴.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 590. 16. Автограф.

⁴ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.